

ФІЛОСОФСЬКІ ДІАЛОГИ

УДК 130.2:37.013.43

АΚΡΙΒΕΙΑ и ΠΑΙΔΕΙΑ: О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ АНТИЧНЫХ ПОНЯТИЙ К ИССЛЕДОВАНИЯМ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК

Кшиштоф Цихонь

Имагинативная студия искусствоведения им. В. Батуры Лодзинского университета (Польша)

Анотації:

На основе развернутого философского анализа динамики категорий «культура», «технология», «мастерство», «меритократия» в современной культуре автор показывает, что упор на специализацию в европейской традиции привел в последние десятилетия XX века к почти полному отказу от понятия *paideia* и преобладанию идеей образованности в пользу специализации. С другой стороны, люди все больше отдают себе отчет в том, как важно для сохранения демократического строя участие граждан и сознательное совершение ими любого выбора, имеющего решающее значение в разных аспектах общественного порядка. Будучи гражданином, нужно проявлять определенные способности и навыки, отличные от образования профессионала и близкие к *paideia*.

Цихонь Кшиштоф. Аκριβεια і παιδεια: про необхідність залучення античних понять до досліджень культури й культурних практик

На основі розгорнутого філософського аналізу динаміки категорій «культура», «технологія», «майстерність», «меритократія» у сучасній культурі автор показує, що акцент на спеціалізації в європейській традиції призвів в останні десятиліття XX століття до майже повної відмови від поняття *paideia* та нехтування ідеєю освіченості на користь спеціалізації. З іншого боку, люди все більше дають собі звіт у тому, наскільки важлива для збереження демократичного ладу участь громадян та свідоме здійснення ними будь-якого вибору, що має вирішальне значення в різних аспектах громадського порядку. Будучи громадянином, потрібно проявляти певні здібності та навички, відмінні від освіти професіонала та близькі до *paideia*.

Cichon Krzysztof. Ακριβεια i παιδεια: On the necessity of involving classical notions in culture studies and culture practices

On the basis of evolved philosophical analysis of the dynamics of such categories as "culture", "technology", "mastership" and "meritocracy" in modern culture the author demonstrates that the emphasis on specialization in European tradition in the last decades of 20th century has resulted in nearly absolute rejection of the notion "paideia" and neglecting the idea of education in favour of specialization. On the other hand, people are growing much better aware of the necessity for citizens to take part and make a conscious choice in order to preserve democracy and it is of crucial importance while dealing with various aspects of civil order. To be a citizen it is necessary to demonstrate certain skills and knowledge which differ from the education of a professional and are close to *paideia*.

Ключові слова:

культура, технологія, метафора, правда, мастерство, меритократія, пайдейя.

культура, технологія, метафора, правда, мастерність, меритократія, пайдейя.

culture, technology, metaphor, truth, mastership, meritocracy, *paideia*.

Основная дихотомия природа–культура является изобретением современной эпохи. Точно так же, как латинская *natura* и ее греческий прототип *φύσις*, происходящее от лат. глагола *coleo* слово *cultura*, обозначающее заботу, занятие чем-либо, земледелие, сформировались в античной культуре⁴. Роль языка или, скорее, свода понятий, посредством которых описываем окружающую среду и общаемся с ней, является, конечно, основной. Отличительной чертой современной культуры (по крайней мере, со времени распространения категории прогресса, то есть со второй половины XIX века) является «короткая культурная память». Все чаще придумываются новые

термины или придаются новые значения старым словам, чем используются их исходные значения. С точки зрения экологии такая практика напоминает повсеместную склонность к использованию одноразовых пакетов. Значительная часть современной терминологии имеет настолько узкое значение, что подходит лишь для «одноразового использования», объясняет только один контекст. Результатом является лавинообразное развитие жаргонов и отмирание основных человеческих навыков – ведения разговора, диалога, понятного для других.

Необходимость специализироваться в той или иной области, а также получить углубленные знания, кажется принципом, который управляет огромными сферами образования в развитых обществах. Это вытекает также из существенной роли, которую в современной культуре играет технология и связанные с ней отрасли науки (естествознание). Особой ценностью для всех технологических процессов является повторяе-

⁴ Культура в старейших записках выступает как обработка земли *agri-cultura*, а только потом как обработка души „*animi culti*“, „*cultus litterarum*“ и, наконец, *cultura-animi* у Цицерона (*Tusculanae disputationes* II, 5).

мость. Не повторяемая технология перестает быть технологией. Повторяемость переключается с понятием точности, однозначности, измеряемости. Одни и те же принципы являются фундаментом познания в естественных науках. Узловым вопросом в современной культуре представляется отождествление повторяемости с точностью, понимаемой как синоним однократности и в каждом из случаев выражающую единичную ценность. Между тем повторяемость является в такой же степени близкой понятию метафоры. Сущность повторяемости в незначительной степени отличается от «механизма функционирования» метафоры, которая повторяет – переносит в другое место, другую ситуацию, исходное значение. Никто не будет возражать против того, что наука и технология должны быть точными. Зато когда начнем подчеркивать, что наука и технология опираются на метафору, скоро окажется, что это мнение (в современной культуре) для многих представляется как минимум непонятным, либо даже спорным. Технология и метафора кажутся, по не совсем известным культурным причинам, областями человеческой деятельности, которые, по общепринятому мнению, должны быть четко отделены друг от друга, либо даже раздвинуты до крайней степени, не позволяющей их соприкосновения. Не исключено, что исторические причины нужно усматривать в редукции математики к калькуляции⁵. По крайней мере, с XIX века при обучении математике упор делался на умение решать арифметические задачи, на операции, опирающиеся на скорость и уверенность оперирования числовыми значениями. Та часть математики, которая базируется на преобразовании символов, а не на вычислении конкретных значений, была отличительной чертой высшей, элитарной математики. Математика как универсальное знание о преобразовании символов очень близка к метафоре и далека от такого типа склада ума, который, вслед за Максом Вебером, можно определить как всеобщий и принципиальный для западной культуры – калькуляционный, прагматический рационализм⁶.

Такого типа рационализм почти «инстинктивно» избегает всяких неопределенностей, неконкретностей (англ.: *vagueness*, *vague*; фр.: *le*

vague, *vague*; нем.: *Vagheit*; *vage*), которые воспринимаются как ошибки и отрицательные черты. Неясность считается противоположностью правды. Наиболее отчетливо это обнаружилось в известной сентенции Картезия, смысл которой сводится к тому, чтобы исследовать и описывать действительность: «*clare et distincte*», – и в ясном и отчетливом противопоставлении «неясных суждений» («*vagas... & mutabiles opiniones*») «надежным знаниям» («*veram & certam scientiam*»)⁷.

Эта оппозиция дает начало современной традиции научного познания. Мнение Картезия особенно важно также потому, что требование точности, однозначности и измеримости он перевел в систему картезианских координат, которые являются основой большинства современных технологий. Измеримость образа, в том числе образа действительности, – это обширный вопрос, в значительной степени выходящий за рамки данной статьи. Безошибочное определение своего места в пространстве, а также места окружающих нас объектов, является основным фактором, который влияет на наше чувство безопасности и контроля над окружающим миром. В культуре, которая все в большей степени опирается на дистанционное управление образом и телеприсутствие, ясная система картезианских координат незаменима. Одновременно Картезий отнес требование такой же самой четкости и точности к понятиям, которые имеют намного более метафорический характер и место которых в пространстве очень сложно однозначно определить. Таким понятием является «правда». По мнению Картезия, «*illud omne esse verum, quod valde clare et distincte percipio*»⁸.

Правда является необходимым понятием для науки, но, в то же время, ее многозначность в мире людей намного шире. Попытки ограничения, преувеличенного уточнения, определения понятия правды преимущественно ведут к конфликтам и ограничению настолько элементарных ценностей, как, например, свобода. Правда как ценность, присутствующая в культуре, неизбежно многозначна. Кроме правды научного языка, все другие ее аспекты можно лишь высказать не прямо, а только через метафору, что препятствует ее точному определению. Правда представляется понятием, суть которого вне сферы точности и измеримости. Иначе говоря, Правда, независимо от того, чем она является, остается хотя бы частично вне пределов *akribei*. Греческое ἀκριβεία – это одно из старейших определений, описываю-

⁵ К последним попыткам сохранения для математики роли объединяющей все знания – *mathesis universalis* – можно причислить работу Г. В. Лейбница, *Mathesis universalis sive Logistica et Logica Mathematicorum*. Еще позже попытки объединения философического мышления и математики предпринимал Христиан Вольф, *Philos. prima sive Ontol. (1730) § 755*.

⁶ На тему влияния М. Вебера на формирование идеи Запада см.: *Th. H. von Laue: The world revolution of westernization (New York 1997)*.

⁷ [R. DESCARTES: *Medit. V, 14 (1641)*. *Oeuvr.*, hg. CH. ADAM/P. TANNERY (Paris 1897–1913) 7, 69.].

⁸ [*Medit. de prima philos. 3 (1641)*. AT 7, 35; vgl. *Medit. 4f.*, a.O. 58. 65. 69f.; *Sec. resp.*, a.O. 144; *Disc. de la méth. 2. 4 (1637)*. AT 6, 18. 33.].

щих человеческую потребность в точности и измеримости познавательной активности⁹, основная потребность для цивилизации, опирающейся на технологию. Описывая исторический прогресс, Иммануил Кант усматривал его в области «культуры ловкости» («*Kultur der Geschicklichkeit*»), которая заключается в развитии технических навыков, позволяющих покорить природу и способных «быть средством для достижения любой цели»¹⁰.

Легко можно найти след «умственного» подхода, корни которого уходят в *akribei*, в текстах, относящихся к современной культуре. Ричард Сенет – один из наиболее часто цитируемых авторов, занимающихся обширной сферой, в которой можно применять методы, характерные для социологии, ввел в дискуссии об основных чертах нашей цивилизации несколько оппозиционных понятий: «мастерство» и «меритократия». Бесспорным потомком *akribei* является, конечно, *kunst*¹¹. Благодаря наблюдениям Сенета мы знаем: то, что отличает современность от хотя бы

⁹ [PLATON: Polit. 294 a–b; Aristoteles píše o dokladnosti zgodnej z zasadami: ARISTOTELES: Eth. Nic. I, 1, 1094 b 12–25].

¹⁰ I. Kant, Kritik der Urteilskraft §83 Akademie-Ausgabe, Bd. V, с. 432 ; Metaphysik der Sitten, Akademie-Ausgabe Bd. V, с. 444 ; см. Werner Euler, Der „Wille der Natur“ als Friedensgarantie? Zum Problem der teleologischen Begründung in Kants Friedentheorie, [в:] Recht und Frieden in der Philosophie Kants: Akten des X. Internationalen Kant – Kongressen, hg. V. Rohden, R.R. Terra, G. A. de Almeida, M. Ruffig, Berlin 2008, Bd. 1, с. 297–298.; Bettina Stangneth, Kultur der Aufrichtigkeit: zum systematischen Ort von Kants „Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft“, Würzburg 2000, с. 32–38.

¹¹ «Говоря о мастерстве, мы подразумеваем обычно ремесленников и большое значение, которое они придают изготавливаемым скрипкам, горшкам или часам. Однако это слишком узкое понимание. Существует также интеллектуальное мастерство, как, например, стремление писать понятным способом. Общественное мастерство может опираться на поддержание хороших супружеских отношений. Дефиниция мастерства, охватывающая все эти явления, звучала бы: выполнение своей работы для самого ее хорошего выполнения. <...> Каждому виду мастерства сопутствует самодисциплина и самокритика, важную роль играют стандарты. <...> Мастерство подчеркивает объективизацию. Когда Николо Амати работал над скрипками, то не пытался выразиться посредством их. Он просто их делал. Нас не интересует то, в каком состоянии – экстаза или депрессии – находился Амати во время работы. Важна форма отверстий и характер лака. Именно это обозначает объективизация – вещь делается для самой себя. <...> Видны результаты навыков, и это измеряется конкретным и безличным способом: чистое остается чистым». Цит. по Richard Sennett, Kultura nowego kapitalizmu, перевел Г. Бжозовски, К. Ословски, (Варшава 2010, [The Culture of the New Capitalism, Yale 2006]).

культуры XIX и начала XX века – это постепенное вытеснение мастерства как умения, необходимого для достижения жизненного успеха, навыком нового типа, который он называет «меритократией»; <...> мастерство с трудом находит место в учреждениях эластичного капитализма; <...> чем лучше понимаешь, как что-то правильно сделать, тем в большей степени находишься в зависимости от этого. Учреждения, опирающиеся на краткосрочные сделки и постоянно меняющиеся задачи, не углубляются в эти области; на самом деле они опасаются того, что начальство определяет как вращание (*ingrown*). Человек, который старается выполнить какое-то действие аккуратно только потому, чтобы сделать это хорошо, другим может показаться «вросшим» – в смысле сосредоточенности на одной вещи, – а мания, в свою очередь, неотлучно сопутствует мастеру. Он является совершенно противоположным консультанту, который прилетает и улетает, но никогда не вьет себе гнезда. Более того, совершенствование навыков в любой области требует времени. <...> Совершенствование навыков через практику противоречит целям учреждений, которые ожидают выполнения различных заданий в течение короткого времени¹².

Если сопоставить «краткосрочные сделки» и «выполнение заданий в течение короткого времени», о чем пишет Сенет, то оказывается, что важную роль в описании современности играет категория «скорости». Поль Вирилио именно в «скорости» усматривает самую важную черту современной культуры: «Будучи вовлечена в почти полувековую гонку вооружений эпохи взаимного запугивания, происходившей между Востоком и Западом, наука подвергалась эволюции <...> в ущерб искомой когда-то ею единой и полезной для человечества правды. Становясь постепенно ТЕХНО-НАУКОЙ в результате неизбежного и пагубного спутывания операционных элементов с исследованиями, целью которых является познание, современная наука отбросила свои философские основы и сбилась с пути, что не вызвало никакого возмущения, возможно за исключением нескольких лиц, действующих во имя защиты окружающей среды, а также духовных лиц. <...> Операционная действительность технических инструментов и решающая правда научной мысли – это два принципиальные своеобразные аспекты познания, которые, однако, в последнее время стали одним, что, кажется, ни у кого не вызывает беспокойства. Наука все меньше привязана к «правде», как раньше, все в большей степени ориентируется на непосредственную и

¹² Р. Сенет, цит., с. 85.

немедленную «эффективность», приходит в упадок, клонится к гражданской смерти...»¹³.

Вирилио подчеркивает и противопоставляет друг другу два понятия: *операционность* и *решение*. На вид они синонимичны. Трудно представить себе какую-нибудь операцию или действие без решений. Проблема, которую подчеркивает Вирилио, вытекает из несимметричности отношений. Решения необходимы для операционной действительности технических инструментов, но этот технический вид действительности не может восприниматься как то, что может заменить «решающую правду мыслей». Ключевым является здесь слово «решение». Его эквивалент – это греческое κρίνω – разделяю, решаю и производное от него κρίσις (лат. *crisis*). Настоящее решение всегда является кризисным моментом, верификацией принятых ранее стандартов, убеждений, поэтому его нельзя провести в техническом порядке *akribei*. Обычно кризисный момент как оценка ситуации, сравнение противоположных ценностей, указывался как момент, в котором обнаруживаются силы, остающиеся вне человеческих возможностей. В старинном искусстве такой момент был связан с понятием *Psychostasis* – суд над душой. Иконография *Psychostasis* поразительно неизменна. Египетские сцены Суда Осириса над душой умершего (ил. 1) в незначительной степени отличаются от христианского Страшного Суда с лицом архангела Михаила на картинах, написанных в XXI в. (ил. 2). Всегда появляется чисто технический элемент, связанный с точностью измерения, представляемый чаще всего как сцена взвешивания, сравнения веса. Это аспект суда, требующий *akribei*. Важна, однако, уверенность в активной, созидательной роли персонифицированных сил божествами или ангелами. Не весы, а использующий их выносит приговор.

Опасения Вирилио, связанные с возрастающим доверием к «операционной действительности технических инструментов», являются тем же самым, что и опасение перед «механическим вынесением приговоров» или уменьшением роли суда до самого механизма весов. Даже в культурах, в наибольшей степени способствующих технике и стандартам, все еще трудно представить себе отождествление системы закона и суда с безличным механизмом. Для вынесения справедливого приговора, для настоящей оценки ситуации, кроме *akribei*, нужна та часть человеческого сознания, которая формируется посредством пайдейи. Παιδεία – это еще более многозначное

понятие, чем акрибия. Наверное, ее основной чертой была широта, выражаемая чаще всего как *enkyklios paideia* (ἔγκυκλιος παιδεία – буквально – округлая, полная пайдейя). Его латинским эквивалентом, кроме дословного «*orbis doctrinae*»¹⁴, «*circulus disciplinarum*»¹⁵ – круг знаний, было также *septem artes liberales*, то есть семь умений, усвоение которых создавало сформированную в поздней античности и сохранившуюся вплоть до XVIII в. систему образования.

Мнение о том, что *paideia* является округлой, то есть охватывает все, повлияло на формирование корня производного от нее слова *encyklopedia*. Самые большие заслуги в повторном распространении этого понятия имеет Вернер Джегер, автор основного и одновременно монументального труда, который впервые появился в 1933 г. Именно Джегер обратил внимание на принципиальное значение начального фрагмента работы Аристотеля «Анатомия животных»¹⁶: «К каждой из отраслей знаний <...> возможны два подхода. Один из них удостоен имени научного знания дела, другой, в свою очередь, правильнее было бы определить как вид образованности (*paideia*). Чертой образованного человека является то, что он умеет справедливо судить, либо, представляя какое-то дело, говорит о нем толково или бестолково <...>, говоря о человеке, имеющем общее образование, мы подразумеваем человека, который как бы соединяет в себе способность высказываться по разным вопросам <...>»¹⁷. Джегер обращает внимание на то, что «у Аристотеля мы встречаем часто этический принцип, из которого также в отрасли теории культуры он извлек далеко идущие последствия, а именно, что слишком продвинутую специализацию (*akribeia*) нельзя совместить с воспитанием свободного человека и настоящим этическим совершенством (*kalokagathia*). Специализация – это дело ремесленника или профессионала»¹⁸. Джегер призывает еще одно основное понятие *kalokagathia*, созданное из сочетания двух слов: καλός καί ἀγαθός – красивый и хороший. Изначально еще у Гомера (Илиада XXIV 52) они имеют не только этическое, но и эстетическое значение. Пайдейю можно тренировать, именно основываясь на эти два порядка. В поисках лучшей образовательной модели

¹⁴ Квинтильян, *Формирование оратора*, [Institutio oratoria 1, 10, 1.].

¹⁵ Св. Августин, *Contra Academicos* 3,7.

¹⁶ В русском переводе – «О частях животных», см.: Аристотель. *О частях животных*, пер. В. П. Карпова, М, 1937. – прим. редактора.

¹⁷ Джегер, Пайдейя. *Формирование греческого человека* [Paideia. Die Formung des griechischen Menschen], перевод М. Плезия, Х. Беднарк, Варшава 2001, с. 527.

¹⁸ Там же, с. 529 (aryst. Pol VIII 2 1337 b15).

¹³ Цит. по: Поль Вирилио, *Информатическая бомба*, перевод С. Крулак, Варшава 2006 [La bombe informatique, Paris 1998], с. 7–8.

стоит обратить внимание на то, что в современной культуре наступило повторное сближение эстетики и этики. Отличительной чертой искусства, происходящего от авангардной традиции, является упор на общественное и моральное значение, часто даже посредством отказа от заботы о форме, явного пренебрежения техникой изготовления (понимаемой как *téchne*, что является синонимом *akribei*). Немаловажную роль в этом процессе усвоения навыков решения–преодоления познавательного кризиса играет многозначность, метафоричность, играющая принципиальную роль в искусстве и гуманитарных науках.

Кажется, что, по крайней мере, со второй половины XX века наблюдаем противоположные тенденции, связанные с *paideia*. С одной стороны, упор на специализацию привел, особенно в

последние десятилетия XX века, к почти полному отказу от самого термина *paideia* и пренебрежению идеей общего образования вопреки специализации. С другой стороны, в то же самое время люди все больше отдавали себе отчет в том, как важно для сохранения демократического строя участие граждан и сознательное совершение ими любого выбора, имеющего решающее значение в разных аспектах общественного порядка. Будучи гражданином, нужно проявлять определенные способности и навыки, отличные от образования профессионала и близкие к *paideia*. Люди отдавали себе отчет в том, что группа даже лучших специалистов, не обладающих никакими способностями, выходящими за рамки их узкой специализации, не гарантирует сохранения демократии в известной нам форме¹⁹.

Відомості про автора:

Dr Krzysztof Cichoń

k.cichon@wp.pl

IZHS im. W. Batury, Uniwersytet Łódzki,
Ulica Prezydenta Gabriela Narutowicza, 65, Łódź,
Polska.

doi: 10.7905/vers.v1i3.812

Надійшла до редакції: 21.03.2014 р.

Прийнята до друку: 10.04.2014 р.

---

¹⁹ По таким же причинам во многих недемократических странах предпочитается точное, узкоспециализированное образование. Такой сознательно сформированный этос был частью социалистической культуры в Восточном блоке.